

КОНСТАНТИН ЛОПУШАНСКИЙ:

Культура. - 2001. - 23-29 авг. - с. 8

Мы живем в эпоху подмен

Константин ЛОПУШАНСКИЙ – призер международных и отечественных фестивалей. Его картины “Письма мертвого человека”, “Посетитель музея”, “Русская симфония”, а теперь и “Конец века”, которую он совсем недавно закончил и успел показать на фестивалях в Сочи и Выборге, всегда рождают массу разговоров. Его принимают либо нет, и третьего тут не дано.

– Константин Сергеевич, как сегодня живет интеллигентному питерскому человеку?

– Живется тяжело. Но как-то выживаем. Я вот появляюсь на фестивалях, что-то все-таки делается и происходит вокруг. Традиция уничтожения русской интеллигентной культуры в XX веке существует. Но есть и традиция неуничтожимости. Мы часто рассуждаем о том, что надо уметь противостоять времени, помнить о призвании подлинной интеллигенции, о традициях. Но эти традиции всегда связаны с кровавым противостоением времени, чреватые для личного благополучия. А нам-то хочется, чтобы наше положение было нормальным, но чтобы при этом мы могли рассуждать, как наши великие предшественники. Скажем, как Мандельштам, Цветаева, все те, кто трагически прожил свою жизнь, не изменив себе. Другое дело, что на бумаге иногда легче что-то зафиксировать, нежели на пленке. Но страданий поболее было у них.

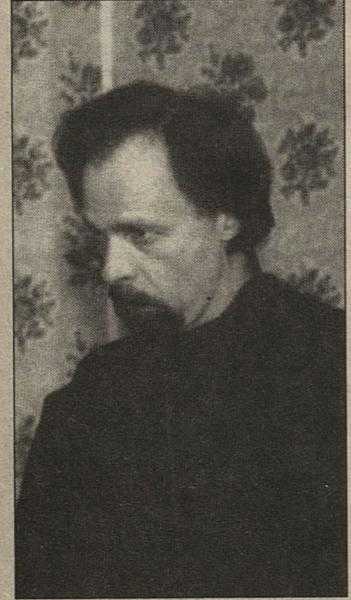
– Вы сами, Константин Сергеевич, живете в реальном мире или в том, что существует внутри вас, в вашем доме, где вы можете отгородиться от мира с его проблемами? Насколько вы вписываетесь в то, что происходит вокруг? После просмотра картины “Конец века” у многих возникают такие вопросы.

– Когда говоришь о современности, принципиально соотношение собственного опыта и жизни как таковой. Не знаю, из чего исходят те люди, которые увидели в моем фильме придуманный мир. Возможно, что тот мир, в котором они

живут, не предполагает отчаявшихся интеллигентов, кончающих самоубийством, как в “Конце века”, бомжей со знанием иностранных языков, собирающих бутылки. Может быть, из их окна видно что-то другое. Это вопрос о том, на чем художник фокусирует свое внимание. В своей картине я ничего не придумал. Возможно, в ней меньше метафор по сравнению с предыдущими моими работами, где возникало условное пространство, как в религиозной драме на библейской земле в “Посетителе музея” или как в “Письмах мертвого человека”, где события происходят после ядерной войны. Там действительно существовал метафорический мир. А в “Конце века” представлена реальность, в которой мы живем, просто предлагаемая мной точка зрения не вполне привычна. Но искусство как раз и должно стремиться к тому, чтобы выявлять болевые точки, не всегда бросающиеся в глаза.

– Вы считаете себя до конца понятым?

– Существует, конечно, большая степень непонимания, но есть и понимание. Те, кто понимает, – это в основном круг образованных, интеллигентных людей. Это критики, люди, знающие искусство, способные оценить какие-то вещи, связанные с киноязыком, с другими художественными проявлениями. Те же, от кого зависит прокатная судьба картины, – они не столько читающие, сколько считающие люди. С ними не очень гладко складываются взаимоотношения, но это и во всем мире так. Хотя на моей картине “Конец века” работали нормальные про-

дюсеры – Ада Ставиская, а до нее Виталий Потемкин. И в этом амплуа находятся понимающие люди. Что касается зрителя, то мне кажется, что на последней моей картине у меня мог бы быть очень хороший с ним контакт, сужу об этом по первым просмотрам. Но сможет ли мой зритель прорваться к моему фильму, а я – к зрителю? Слишком многое зависит от прокатчиков, от политики телеканалов. На премьерных показах в Санкт-Петербурге реакция публики простой, возможно, и не очень искушенной в искусстве была чрезвычайно эмоциональной, открытой. Контакт возникает вне зависимости от того, разделяет ли тот или иной человек взгляды, высказанные с экрана. Главное, что есть эмоциональное проживание произведения.

Зритель-то разный, с разным культурным уровнем. Большая его часть отравлена низкопробной продукцией. Все на бизнесе завязано. Что такое политика телека-

налов? Казалось бы, это единственная возможность широко показать фильм и дать возможность людям увидеть кино, а производителям вернуть вложенные средства. Но на деле – ставка на низкий вкус, способ заработать на этом деньги. Тут не присутствует этическая задача, которая ставилась прежде в русской культуре: поднять зрителя, воспитать его духовно. Какая духовная пища? О ней и речи нет. Надо сунуть зрителю что угодно и получить как можно больше. Наш продюсер отослала на один уважаемый телеканал кассету с моим фильмом. Полчаса после этого я разговаривал по телефону с человеком, отвечающим за кинопоказ. Он рассказывал мне о том, какой замечательный фильм я снял, как сам он едва ли не рыдал во время просмотра. Я был счастлив: какое сопереживание, какая глубокая эмоциональная реакция! Что дальше? Человек этот сказал: “Ну вы же понимаете, что этого не может быть на нашем канале!” Вот позиция, напоминающая худшие времена тоталитаризма 70-х, когда люди, от которых зависела судьба твоего фильма, говорили: “Нам так нравиться, но ты же понимаешь...” Тот же самый цинизм. Жаль, что все так складывается, что наметившийся в середине 80-х духовный взлет, когда властителями дум были Сахаров, отец Александр Мень, Тарковский в искусстве, – все то, что выводило общество на новые духовные ориентиры, быстро прошло и рухнуло. Данная ситуация очень напоминает времена, когда я только начинал свой путь в кино, с той лишь разницей, что появились новые названия привычных вещей. Бизнесмен – вместо секретаря обкома и т.д. Люди власти все те же, только носят другие имена. У Евтушенко были строки о том, что им, этим людям, неважно, что власть советская, им очень важно, что это власть. Верная мысль: цинизм и продажность, когда неважно то, кому ты

продаешься, главное, чтобы за это дали кусочек колбаски.

– Вас всегда интересовал поиск того, что называют русской идеей. Насколько теперь волнует эта проблема?

– У меня был фильм “Русская симфония”, где идея эта была сформулирована в поэтической форме, со стилизацией церковнославянских текстов. О русской идее многое было сказано разными людьми. Меня только удивляют разговоры о том, что ее хотят открыть заново. Читайте книжки, господа! Ильин писал до вас и Достоевский. Мы живем в эпоху подмен. Религиозные мистики считают, что это эпоха апокалипсиса с ее верными знаками – подменами, маскарадом. Но если даже не впадать в мистику, то ясно, что любая революционная ситуация, резкие перемены общественного сознания всегда чреватые маскарадностью. Люди рассуждают о русской идее, а имеют в виду чудовищный национализм, говорят о чем-то одном, а речь-то совсем об ином. Идет путаница, подмена смыслов. Это очень худо. Какой же сильной должна быть степень лицемерия общества, чтобы слова не несли в себе подлинного значения. Все время приходится вылавливать истину. Будем надеяться, что подлинное прорастет, ведь дерево всегда поднимается вверх.

– Каково, по-вашему, соотношение России и Запада в этом контексте?

– Безусловно, следует воспринимать любую идею в контексте времени. Я это и пытался сделать в “Русской симфонии”, почему, собственно, и предпринимал попытку сформулировать ее в поэтической форме. Главной была идея борьбы с мировым злом, основанная на некоем мессианстве, которое в целом присуще русской культуре. Это пафос, выведивший русский народ к вершинам духа в переломные моменты истории и обычно связанный с войной либо иными потрясениями и страданиями.

Русская идея – это все-таки идея для себя, для духовного развития собственной нации. Она, конечно, не может быть абстрагирована от европейского пути развития. Но не следует брать от другого мира худшее. Брать нужно лучшее. Об этом легко говорить, но трудно сделать, потому что худшее всегда держится на определенной системе соблазнов. Запад прошел определенный путь и погряз в искушениях, которые мешают нормальной духовной жизни. Неизбежно то, что и мы переболеем этой болезнью. Если дети найдутся вместе и кто-то из них заболел ветрянкой, то и другие ее непременно подхватят. Так уж устроен человек. Мы должны пройти путь соблазнов. Свою линию нужно вести не на основе национальной обособленности, не на заявлениях, что наша духовность лучшая в мире, – это спорный тезис. Духовность, интеллектуальные поиски важны сами по себе, вне зависимости от того, где они произрастают – в России или в Германии.

– Не получается ли в “Конце века” так, что вы наделяете духовностью мать, живущую в России, и лишаете ее дочь, уехавшую жить на Запад?

– Когда-то в эпоху соцреализма торжествовала концепция: в искусстве все должно быть типическим. Моя картина не предполагает такого подхода. Она рассказывает конкретную историю о конкретных людях. И то, что судьба моей героини – дочери – связана с Западом, это довольно типично для людей определенной жизненной ориентации, но это вовсе не означает, что героиня – типичный представитель данной категории. Не надо усматривать во всем этом мое отношение к этому кругу людей. Я не считаю вовсе, что раз остался человек в России, значит, он завтра покончит жизнь самоубийством. История, рассказанная в фильме, не претендует на то, чтобы быть типической. Героиня могла бы уехать не в Германию, а

в Польшу. Какая разница куда? Могло бы быть и так, что мать из глубокой провинции приезжает к дочери, живущей в Москве. Та же коллизия, с еще большим контрастом в существовании этих двух женщин. Но мы не могли на этом остановиться, потому что важны были воспоминания героини-матери, связанные с Москвой 60-х.

– Вы помещаете свою героиню в клинику, где пытаются сжечь в ее сознании прошлое, связанное с тяжелыми моментами жизни. Откуда этот интерес у режиссеров, молодых в том числе, к некоему замкнутому, изолированному пространству?

– В мире есть интерес к проблемам психологии. Любая клиника – это пространство для погружения в человека, для его изучения. Психология интересовала меня именно как возможность увидеть через нее внутренний мир человека, более сосредоточенно погрузиться в сферы, связанные с его сознанием. Тем более что все эти психоделические клиники, посещения психотерапевтов – модное явление. При всем ироничном отношении к данному факту нельзя не признать того, что есть тут и великие достижения. Но, как всегда, серьезное расползается, обретая пошлые варианты и коммерческие формы. Сейчас масса объявлений: “меняю судьбу” и тому подобных. Есть некая мода на это, значит – это знак времени.

– Как вы работали с Ириной Соколовой? Не на уровне: актер – режиссер, а в психологическом плане, ведь именно на долю ее героини – матери – выпадают все клинические испытания, связанные с очищением памяти от прошлого?

– Она актриса удивительной судьбы. Играла в ТЮЗе, а роли особой глубины пришли к ней в зрелую пору. Сейчас на Ирину Соколову огромный спрос и в театре, и в кино. У Сокурова она прекрас-

но работала. Не было необходимости посвящать ее в тонкости психологии, она была очень подготовлена к работе как профессионал высшей пробы.

– Почему вы пригласили на роль дочери театрального режиссера Светлану Свирко?

– Но она еще и актриса, снималась у Балабанова в “Замке” и других картинах. А потом пошла в режиссуру. Было много проб, много известных актрис их не прошли. У Светланы все получается жестче, что и требовалось. Она легко переходит в ретро, в 50 – 60-е годы, когда играет мать. Ее тип лица очень похож на те лица, что встречаешь на старых фотографиях.

Я считаю, что хорошо, когда на экране появляется новое лицо, когда нет за актером шлейфа предыдущих работ. Мы не идем в кино, как в театр, смотреть, как некий актер сыграл новую роль. В кино должно возникать буквальное доверие к воспроизведенной на экране реальности. В этом плане хорошие режиссеры – идеальные кандидатуры. Они высокопрофессиональные люди, обычно глубокие личности, способные с полуслова многое понять. Поэтому и Роман Виктюк снялся в нашем фильме. Это его дебют в кино. На озвучании все немецкие тексты нам помогал записывать опять-таки театральный режиссер из Германии. Так что сложился режиссерский ансамбль.

– Еще один фильм снят. Дальше что?

– Надо жить, придумывать что-то. Это ощущение человека, который взмошел на Эверест, 5 лет шел (сценарий-то был написан в 96-м году, его Госкино не приняло, сошло очень дорого), а ему говорят: “Ну а что дальше? Давай-ка опять к подножию горы!”. Хочется отдохнуть немного. Есть предложение от фестивалей в связи с нашей картиной.

Беседу вела Светлана ХОХРЯКОВА